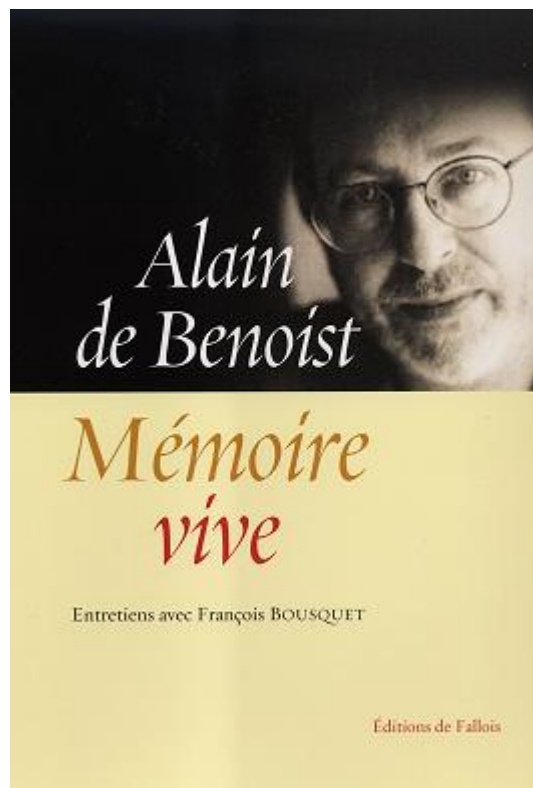

Бенедикт Кайзер

Книга Алена де Бенуа «Моя жизнь» – краткий идейно-исторический портрет

В большинстве случаев Алена де Бенуа представляют как «идейного первоходца Nouvelle Droite» или «Новых правых». Но такое определение не нравится французскому мыслителю, ибо с некоторого времени его философские размышления оказываются по ту сторону привычного деления на «правых» и «левых». Тем не менее, Бенуа в существенной степени вдохновил «Новых правых» также в Германии, что демонстрирует и только что появившийся в немецком переводе том его автобиографических бесед «Моя жизнь. Пути мышления». Бенуа, который в прошлом году отпраздновал свое семидесятилетие, подводит в этой книге, французский оригинал которой был опубликован в 2012 году под названием «Mémoire vive», итог своей деятельности. Для нас это вполне подходящий повод, чтобы совершить краткий экскурс по развитию идей Бенуа.

За спиной Бенуа сегодня лежит уже полвека политической и метаполитической деятельности. Бенуа вошел в политику еще в 1960 году, за год до поступления в Сорбонну, когда он высказался в пользу французского Алжира. Со временем он вошел в окружение «Action Française» (AF, «Французское действие») и уже в возрасте 16 лет столкнулся с антиуниверсалистскими и антиэгалитаристскими идеологемами мэтра «Старых правых» Шарля Морраса. Тем самым молодой Бенуа с самого начала принадлежал к аутсайдерам своего поколения. Однако он уже скоро заметил, что лучшие дни роялистской AF миновали (пожалуй, на самом деле это произошло еще до 1934 года), и что их отжившие жесты противоречили его революционно-антибуржуазному жизнеощущению; для биографического развития Бенуа куда большую роль сыграла группа, образовавшаяся вокруг журнала «Europe-Action».

В этом журнале встречались молодые, порой довольно агрессивные активисты по ту сторону «классических» правых течений. Среди них были фашистские интеллектуалы, вроде Люсьена Ребате, бывшие добровольцы войск СС вроде Марка Ожье де Сен-Лу, неоязыческие национал-социалисты вроде нормандского автора Жана Мабира; прежде всего, однако, более молодые бывшие военные, служившие прежде в Алжире, из «Organisation Armée Secrète» (Секретной вооруженной организации, ОАС), члены студенческого объединения «Fédération des étudiants nationalistes» (FEN, Федерация студентов-националистов), членом которого Бенуа был с 1961 года, и бывшие члены «Молодой нации» и «Националистической партии». Ключевым кадровым работником движения был друг Бенуа Доминик Веннер. Веннера выпустили из тюремного заключения в 1962 году, и он выступал за активистский, «по-солдатски» понимаемый национализм, прежде чем ему пришлось уйти из политики и обратиться к историческим работам. Но активное участие в деятельности «европеистских» правых принимал также и некий Фабрис Ларош. Этот Ларош был, среди прочего, редактором еженедельника «Europe-Action-Hebdomadaire» – и псевдонимом Бенуа.

Бенуа – как и большая часть активистов – презирал массовую культуру и материализм, видел в эгалитаризме гибельное явление, отвергал воспринимаемую им как декадентство обывательщину, и старался развивать культ динамичной элиты. Но его антипарламентскому и антидемократическому мировоззрению способствовали и другие образцы и идеи: новому времени, в котором проявилась слабость из-за отказа от Алжира, европейские националисты противопоставляли героические принципы борьбы. Бенуа и его соратники читали Анри де Монтерлана, Пьера Дриё ла Рошеля, Мориса Барреса, они обсуждали националистическую работу Веннера «За позитивную критику». Они восторгались

агрессивной романтикой «фрайкоров» – немецких добровольческих корпусов, а также ОАС, которой Бенуа посвятил свою самую первую книгу.

Бенуа хоть и следовал во многих вопросах обычному для тогдашней сцены связыванию национализма, расовых идей и европейского идеала, однако он снова и снова ставил свои собственные акценты. Пример этого – опубликованная им в 1966 году работа «Что такое национализм?», в которой он, наряду с несколькими элементами расовой теории, наметил в общих чертах европейскую психологию, основывавшуюся на трагическом, воле, реальности и на ответственности. С этой книгой он в целом оставался в рамках основанного на биологии национализма Веннера и Мабира, однако уже продемонстрировал, что интересуется также ценностями и нормами, и даже философскими рассмотрениями вообще.

Среди прочего он уже в этот период обратил внимание на Луи Ружье, представителя логического эмпиризма и поклонника эллинско-римской античности. От Ружье, который позднее стал покровителем престижного научного журнала «Nouvelle Ecole» («Новая школа»), Бенуа получил антиуниверсалистские импульсы для своего мировоззрения, критического по отношению к христианству и демократии, а также своего воодушевления, по его мнению, органически выросшими, иерархическими порядками античной Европы.

Помимо своих статей в «Europe-Action», Бенуа разрабатывал эти темы также и в многочисленной другой периодике решительных революционных проевропейских правых, так, например, также в неофашистском издании «Defense de l'Occident» («Защита Запада») Мориса Бардета, и усиленно в итальянских изданиях. Как и профессор Эрнст Нольте, Бенуа завоевал особое уважение в Италии, которым пользуется там и до сих пор. В Италии у него большая читательская аудитория, и он регулярно делает доклады как в итальянских университетах, так и в нонконформистских кружках. Одним из его итальянских партнеров по дискуссиям является Габриэле Адинольфи, который, в свою очередь, сам долго жил во Франции.

Между 1965 и 1968 годами младоевропейцы пытались также принять участие в выборах; и именно это и стало, прежде всего, в конечном итоге, причиной их провала. Наряду с отсутствием успехов на выборах и внутренними спорами – по вопросу отношения к христианству или здорового соотношению между воинственной активностью и теоретической работой – движение также все время оказывалось в ситуации финансового кризиса, справиться с которым оно практически не могло. В этой деликатной ситуации была основана Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne (GRECE, «Группа исследова-

ний европейской цивилизации»). GRECE был осознанно избранной аббревиатурой, которая должна была подчеркнуть духовную ориентацию клуба на классическую античность. Этот «мозговой центр», вопреки часто распространенному заблуждению, не был реакцией на майские беспорядки 1968 года в Париже, ибо был создан еще в январе 1968.

Бенуа и его соратники из различных националистических кругов (прежде всего, из рядов FEN) считали старые структуры правых столь же заскорузлыми, как и парламентскую деятельность, и обвиняли в недостаточной успешности в политике постоянную фиксацию на исторически проигранных битвах вроде дилеммы Алжира. Кроме того, они выражали свое недовольство отсутствием долгосрочной политической или метаполитической стратегии, недостаточной проработанностью конкретных целей, полным отказом от теории, опирающейся на науку, а также игнорированием культурного контекста как поля политической борьбы.

(Бенуа также дистанцировался от политической активности как таковой. В книге «Моя жизнь» он констатирует, что чистый активист склонен к тому, чтобы подобно верующему вытеснять из своей головы критическое мышление. Из-за этого он может скатиться в сектантство. При всем том фаза радикальной активности – это поучительное время для политически мыслящих. Это та школа, без которой Бенуа не хочет обойтись, он даже рассматривает ее как одну из лучших вообще и жалеет всякого, кто не смог убедиться в этом на своем собственном опыте).

Целью Бенуа – и GRECE в целом – был, следовательно, полный процесс обновления правых на идейно-исторической, метаполитической и социально-научной основе. Раннее мировоззрение этих формировавшихся теперь вокруг GRECE «Nouvelle Droite» возникло из интенсивного изучения мыслителей всех направлений, причем среди их многочисленных идейных предшественников наверняка следует назвать классиков французских правых вокруг Жозефа де Местра, Мориса Барреса, Морраса, таких немарксистских социалистов как Пьер-Жозеф Прудон, синдикалистов вокруг Жоржа Сореля и Эдуарда Берта, а также не в последнюю очередь современных исследователей в области науки о поведении и социологии. Мыслители Консервативной революции отчетливо добавились к ним только на несколько лет позже. Для молодых правых, которые до сих пор не имели абсолютно никакой теории, следовало выработать связную, цельную доктрину, которая не должна была опираться ни на чувства – верность монархии – ни на обиду – ностальгию по колониальному прошлому и позор Алжира – ни на проигранные битвы – Виши, коллаборационизм – а должна была основываться на сведениях современной науки.

В период между 1968 и 1975 годами Аллен де Бенуа отошел от большинства теорем времен «Europe-Action» (и если выразиться утрированно, то и сегодня, к примеру, он также предпочел бы в качестве своего соседа верующего мусульманина, нежели скинхеда), вырабатывал вместо них другие теории и продолжал их систематизировать. К ним относились скептические размышления по отношению к демократии, которые Бенуа выводил из «индоевропейских» моделей аристократии. Эта точка зрения вдохновлялась исследованиями в области индоевропеистики, которыми весьма прилежно занимались в среде «Nouvelle Droite», достаточно вспомнить о Жане Одри. Современная демократия, и в первую очередь ее основные постулаты «свобода» и «равенство», воспринимались как истинно «неевропейские». Но также формулировались и антикапиталистические идеи, противостоящие «торгашеству». Целью была «культурная революция менталитетов», т.е. ничто иное как перенесение в современность античных добродетелей и образцов при социально-биологической поддержке со стороны современной антропологии, чтобы бороться за духовное возвращение к принципам иерархически упорядоченного общества, а также за «переоценку всех ценностей» в ницшеанском духе.

Эти также в буквальном смысле радикальные идеи защищались с особым рвением и привели затем к открытой вражде, самое позднее тогда, когда Бенуа и его коллегам с 1978 по 1982 год, с апогеем в так называемое «лето Новых правых» в 1979 году, удалось занять определенные позиции в мейнстримных изданиях вокруг журналов «Фигаро». Однако последовавшая за этим агрессивная кампания в прессе привела к далекому отступлению вождей Новых правых в их собственные кружки и издания. Также в ФРГ газеты от «Ди Цайт» до «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» время от времени стреляли по Бенуа критическими статьями. Атаки не ограничивались левыми средствами массовой информации, но исходили также из консервативного угла, например, из журнала «Цайтбюне» Уильяма Шламма.

Хороший друг Бенуа, Армин Молер, видел в отсутствии поддержки группы Бенуа со стороны других консервативных течений классический пример того, что либеральные консерваторы в принципе во время любой антифашистской кампании раньше или позже становятся на колени: «Они надеются, что смогут спастись, если поспешно бросят волкам на съедение несколько более последовательных правых». В другом месте Молер подтрунивал: «Часто возникает фатальное чувство, будто либеральные консерваторы заняты больше своим отмежеванием от правых, чем борьбой против левых».

С этой констатацией связано также и то, что Бенуа удивительным образом на протяжении всей своей жизни ищет стимулы как у левых, так и у правых теоретиков, но никогда у теоретиков так называемого истеблишментского «центризма». Если вы вообще захотите классифицировать оригинальное мировоззрение Бенуа в системе точных категорий, то его, скорее всего, нужно интерпретировать как антилиберальный синтез левых и правых. Вообще решительный антилиберализм является самой большой константой за все более чем пятидесятилетнее духовное развитие Бенуа; партии и парламентаризм как таковой для него никогда не были и не являются приемлемым решением. При этом то, что Бенуа в середине 1980-х годов повернулся к прямой, органической, соучаствующей демократии и отошел от пережитков радикально правых течений, не имеет ничего общего с «мимикрией». Ведь он по-прежнему дает народному представительству в западном стиле парламентаризма только статус «временного решения», которое отнюдь не полностью раскрывает демократический принцип. По его мнению, всегда нужно ставить на исправление путем введения партициптивной демократии, т.е. прямой или органической демократии. Целью остается объединение «активного гражданства», ориентированного на всеобщее благо.

В предисловии к опубликованному в 2001 году в первом и действительно постоянном для Бенуа немецком издательстве «Grabert/Hohenrain Verlag» под названием «Прекрасный сетевой мир» сборнику текстов из «éléments», автор по-прежнему отказывает нынешней системе в праве называться демократической. По его мнению, в этой системе остались лишь либерализм и господствующая идеология товара, прикрывшиеся гуманитарным дискурсом. Против «главного врага» – либерального капитализма – следует выступать с требованием большей конкретной демократии. В его программном тексте «Против капиталистического порядка», который появился во Франции в 2009 году как предисловие к сборнику статей национально-революционного журнала «Rébellion», и который был опубликован в 2012 в издательстве «Edition JF» как дополнение к книге Бенуа «У края пропасти», Бенуа так дополнил эти высказывания о недемократическом характере либерального Запада: Разрыв связи между политическим классом и народом сделал из финансовой буржуазии как доминирующего слоя общества новую олигархию. Она правит в согласии с «диктатурой контролирующего государства». Бенуа подводит итог: «В этом отношении демократия – уже не тот политический порядок, который выводит свою законную монополию на власть из суверенитета народа».

При этом «суверенитет народа» – отнюдь не пустая фраза для Бенуа. Он уже давно больше не антидемократ – однако, он остался антилибералом и все больше и больше становился антикапиталистом. Бенуа целенаправленно высту-

пает за построение общества снизу вверх, что в свою очередь, конечно, связано с тем, что отношения и структуры власти, особенно на глобальном уровне, становятся все более неясными и тем самым неконкретными и неосязаемыми. Как мыслитель конкретного Бенуа противопоставляет этому базовую демократию как узнаваемую, конкретную реальность для людей на местах.

Кроме того, Бенуа среди проблем актуальной политики уделяет особое внимание разработке связанного с комплексом «Нового мирового порядка» вопроса о том, как можно воспрепятствовать тому, чтобы денежные элиты в одиночку определяли и формировали политику, следовательно, как можно обуздать современный, по сути своей антидемократический финансовый капитализм.

Бенуа все сильнее фокусируется на экономических проблемах и дает ответы, которые – снова – находятся по ту сторону «правых» и «левых» (или «новых» и «старых»), когда он требует ограничения «денежного господства» снизу так же как «прощания с ростом», формулирования новой критики потребительства, а также нового обращения с капитализмом и глобальной экономикой перед лицом зияющей пропасти. Бенуа тем самым ставит не менее чем «системный вопрос».

Потому нет ничего удивительного и в том, что семидесятилетний Бенуа не ищет для себя друзей в рядах либерально-консервативных защитников имущего сословия и союзов старых господ, даже презирает их и – что наверняка непривычно для немецких консерваторов – в свою очередь, открыто приветствует и до сегодняшнего дня поддерживает антибуржуазную, социально-революционную работу таких радикальных молодежных групп как «Organisation socialiste révolutionnaire européenne» (SRE).

Поэтому от Алена де Бенуа не стоит даже на старости лет ожидать идейного смещения в сторону «центризма». В пользу этого говорят не только его актуальные публикации, вроде опубликованной несколько недель назад в юбилейном сборнике для Рольфа Козика статьи против трансатлантических соединений, или сильной ориентации на левый антилиберализм Жан-Клода Мишеа, но и углубленное занятие французскими нонконформистами 1930-х годов, а также соответствующие ссылки на Эдуарда Берта и Тьерри Мольнье. Мольнье, преодолевший противоречие между левыми и правыми, уже в межвоенное время увидел в либерализме главного врага и стремился не меньше чем к полному преодолению капитализма. Неортодоксальная критика Мольнье финансовой системы, неспособности банков, и не в последнюю очередь его отказ от навязанной сверху государственной бюрократии, в течение будущих лет, пожалуй, ско-

рее приобретет еще большую актуальность, нежели окажется исторически устаревшей.

Этот длинный путь, который прошел Ален де Бенуа с 1959 года – например, от обновления сверху посредством новой аристократии к обновлению снизу посредством партиципативной демократии – показывает, насколько недогматически и в духовном плане гибко он всегда реагирует на изменения в политике, экономике и обществе. Бенуа никогда не стремится добиться аплодисментов из «своего лагеря», каким бы он ни был, отвергает любой догматизм, черпает идеи там, где это кажется рациональным и полезным, и, все же, не теряет из виду своих собственных констант. Также это становится отчетливо видно при чтении его «Живых воспоминаний», которые с сегодняшнего дня уже можно приобрести в немецком переводе и которые предлагают читателю достойную внимания панораму этого удивительно многослойного мышления.

Источник: <http://www.sezession.de/46621/alain-de-benoists-mein-leben-erschiene-ein-ideengeschichtliches-kurzportrait.html>

[Велесова Слобода, 2014 г.](#)

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)